

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

И тот, кто отродясь не читал стихи, в школе краем уха слышал про Пушкина, наизусть твердил симоновское «Жди меня и я вернусь». Может быть, хуже, но на фронте знали и «Убей его». Это стихотворение не имело названия и начиналось строкой, властно обращенной к солдату: «Если дорог тебе твой дом...»

Их перепечатавали в дивизионных и армейских газетах, переписывали в письмах-треугольниках, посланных с передовой. Когда вдруг случался вечер самодеятельности (в сорок первом обычно было не до того), читали «Жди меня» и «Убей его». Это было как заповедь для опаленных войной, не слишком надевавшихся вернуться, и все-таки — «Жди меня».

Жесткими, чеканными, чуть ли не приказными строками Симонов выразил то, чем жили люди, народ в час смертельного испытания. Он обостренно чувствовал меру опасности и, не преуменьшая ее, не убавляя казенной ложью, наоборот, предвидя длительность сражений («Жди, когда снега метут, жди, когда жара»), требовал неотступной верности, не сдающейся памяти. Даже если друзья, сын, мать поверят «в то, что нет меня».

О войне, разлуке писали — лучше ли, хуже — десятки поэтов. Но первым стихотворцем войны был Константин Симонов. Он сказал то, чего ждали, и так, что брало за сердце. В этом секрет подлинной популярности, такого массового признания, когда стихи повторяет малограмотный деревенский парень и столичный интеллигент, читавший Данте.

По Указу Верховного Совета от 22 июня 1941 года мобилизации подлежали военнообязанные, начиная с 1905 года рождения. Следовательно, самым «старым» бойцам едва перевалило за тридцать пять. Армию составляли женихи и молодые мужья. (В августе не-

виданные фронтовые потери заставят опустить мобилизационную планку на пятнадцать лет).

К. Симонов уже в июле призвал убить немца и мотивировал свой призыв напористо, четко, страстно. Да, он заклинал, входя в противоречие с пропагандистскими клише, понимая раньше других: этими клише предстоит поступиться. Непроста 3 июля 41-го года, придя в себя от шока, вызванного нападением Гитлера, Сталин

как Архипелаг ГУЛАГ, Бесконечные переселения, выселения рвали корни, соединявшие с отчим домом.

Едва ли не первым Симонов сказал о «России, которую мы потеряли». Не умиляясь перед ней, не стремясь к глобальным обобщениям. Наоборот, предельно локализуя тему, сводя ее к основам, что должны определять человеческую жизнь. Лишь о доме, о семье. То есть о том, что корежилось два десятилетия.

Но и перестав быть повседневной реальностью, дом все же сохранялся в душе. О нем-то тревожно напомнил Симо-

нов обязанностью. Более того, личной потребностью. Поэт взывал к мужскому чувству, понимая его силу, но и разрешая бойцу кое-какие слабости. Требование верности от женщины уживалось с известным сексуальным либерализмом и к солдатам, «которым в бой пора. И до любви дожить едва ли».

Спасибо той, что так легко, Не требуя, чтоб звали милой, Другую, ту, что далеко, Им торопливо заменила.

что муж-лейтенант убит, выходит замуж. Вряд ли стоит его рассматривать всерьез; критика без труда выявила несостоятельность «Письма».

Причины неудачи лежат не слишком глубоко. Почему стихотворец не принял их в расчет?

Маяковский был великим лириком, пока не стал государственным поэтом, не возмечтал о заданиях от Госплана. Симонов с самого начала стремился стать государственным

«ЖДИ МЕНЯ» И «УБЕЙ ЕГО»

обратился не к «товарищам», «согражданам», а к «братьям и сестрам». Обостренное чутье подсказало Симонову строки, какие еще месяца два назад были невероятны в советском стихотворении. Прежде всего потому, что начисто игнорировали всякую советскость, социалистические преобразования, послеоктябрьский общественный и государственный строй.

Лет двадцать с небольшим такого толка стихотворные строки публиковались в белогвардейской печати и звали уничтожить изверга-большевика, посягнувшего на «твой дом, где ты русским выкормлен был». Симоновские стихи воспевали святость и неприкосновенность «твоего дома», его стен, углов, его полов, исхоженных дедом, прадедом и отцом. Сада, дедовского стола. Всего исконного уклада. Того самого уклада, что был разрушен гражданской войной, добит коллективизацией. Хранители патриархальности, русских традиций были вышвырнуты на Соловецкие острова, на другие острова, которым суждено будет войти в историю

нов. На второй, третий план отступали такие, скажем, обязанности, как многонациональность Красной Армии, значительный процент в ней городских жителей или обитателей бесчисленных поселков — иными словами, людей, утративших истоки, но не ставших горожанами.

С первых дней войны Симонов выбирал опасные участки фронта, ходил на подводной лодке, с разведчиками проникал во вражеский тыл. Он имел право без околичностей объясняться с солдатами, идущими на смерть, ибо сам не прятался от нее. Право на мужской разговор. Когда посланцы политуправления читали лекции о международной солидарности трудящихся, об антифашистской коалиции демократических держав, он говорил о немце-садисте, оскверняющем «твой дом». Рисовал выразительную картину группового изнасилования солдатской жены: «...Чтоб досталась трем этим псам. В стонах, в ненависти, в крови...».

При таком представлении о противнике, уничтожение его — рабочего ли, бюргера, студента — становилось лич-

Эти стихи, созданные в первые месяцы войны, тоже были достаточно популярны, и они отвечали состоянию людей, уходивших в атаку, из которой немногим суждено вернуться. Оставаясь в пределах официальной литературы, К. Симонов их несколько раздвигал, позволяя себе какие-то «вольности». Это мог быть поворот к патриархальности или чувственные мотивы, внятные тем, о ком он сказал: «От женских ласк отвыкшие мужчины».

Стихи «Жди меня» дали основу для сюжета одноименного фильма, лишний раз доказав: общность идеи не отменяет специфики каждого вида искусства. В благородно-наивной картине играли В. Серова, Л. Свердлин. Однако сегодня она представляет только историко-искусствоведческий интерес.

Когда касалось фронтовых, Симонов продолжал твердо стоять на страже семейных устоев. Понимая, что заклинанье «Жди меня» не обладает тотально-длительной властью, время делает свое дело, он в 1943 году пишет «Открытое письмо женщине из Вичуга» — клеймит ту, которая, не зная,

нуждался в Госплане, поскольку сам умел планировать свое творчество.

Когда посмертно опубликует его мемуары, мы увидим, с какой сосредоточенностью он вдумывался в любое замечание Сталина, упорно выискивая в нем высокую мудрость. Сегодня нет необходимости напоминать о пагубности таких поисков.

Симоновские стихи первых месяцев Великой Отечественной войны, конечно, тоже государственная лирика. (Насколько совместимы эти два понятия). Но они написаны в пору, когда государство вынуждено было считаться с человеком, его личным миром. Симонов это схватил мгновенно, хлебнув оконопного лиха. Оставаясь государственным поэтом, утверждаясь в этом качестве, он создал несколько стихотворений, нужных государству и человеку. Можно спорить — кому нужнее. Но то уже праздные споры. А стихотворения вошли не только в антологию, но и в жизнь поколений, именуемых фронтовыми.

В. КАРДИН.